

Александр ЗБРУЕВ: "На кухне можно сыграть прекрасно, но никто не увидит"

— Александр Викторович, обычный для нас первый вопрос: где снимаетесь, у кого, что за роли?

— Я снялся у режиссера Георгиева в картине «Желание любить». Это экранизация рассказа Куприна «Впотмах». Большое удовольствие получил. Почаще бы у нас классику снимали. Еще снялся у режиссера Бориса Яшина в картине на современную тему «Дом на Рождественском бульваре». Сейчас занят в картине «Ты у меня одна» у Астрахана, главного режиссера акимовского Театра комедии в Санкт-Петербурге. Мою жену играет Марина Неелова, а другую женскую роль исполняет артистка московского Театра сатиры Светлана Рябова. Я уже встречался с ней в картине «Впотмах».

— Вы довольны работами?

— Доволен, но боюсь, что зритель об этих ролях не узнает. Сегодняшнее кино очень убыточно: чтобы снять фильм, нужно потратить десятки миллионов рублей, а кто его потом купит? Я знаю, что в некоторых бывших наших республиках закрываются киностудии, потому что нет массового проката фильмов. Раньше мы знали — нас смотрят, а сейчас мы никому не нужны. Поэтому стремишься получить удовольствие не от результата, а от процесса работы. Но куда нельзя деться от ощущения, что участвуешь в самодеятельности; играешь на своей кухне, для себя и своих друзей. И это ужасно — на кухне можно сыграть прекрасно, но никто не увидит.

— Вы впервые появились в кино в фильме «Мой младший брат», снятом по повести Василия Аксенова «Звездный билет»...

— Да, я тогда был студентом четвертого курса, снимался вместе с Андреем Мироновым, Олегом Далем. Эта знаменитая картина режиссера Зархи была для всех нас тогда путевкой в жизнь. Быстротечной, как оказалось, для Андрея и Олега...

— А с Аксеновым вы больше не встречались?

— Почему же? В той замечательной молодой жизни мы звали его «папа Вася», хотя он был ненамного старше. А совсем недавно Василий Аксенов отмечал в Москве свое 60-летие, и я был у него среди друзей: поэтов, писателей. Актеров было немного.

— У вас дочь...

— Я не хотел бы этого касаться.

— Я только хотела спросить: трудно сегодня «быть взрослой дочери отцом»?

— Да, очень. Молодежь запутали, подножек наставили, сегодня им намного труднее,

чем нам. Начинать всегда труднее. Они живут в другом времени. Как им не погибнуть, если соки отравленные в ствол все равно попадают. У молодых не было возможности самоутверждения, и поэтому они уже сегодня какие-то старые.

— Может быть, ваша ссылка на время немного личная: по сложившемуся имиджу Александр Збруев — суперсовременный герой, очаровательный молодой человек, отлично одетый, хорошо воспитанный. Режиссерский штамп?

— Я не знаю, что вы называете штампом. Мне самому, например, приятно быть хорошо одетым. Я не раб вещей, но плохо себя чувствую, если у меня, например, рваные шнурки. Каждый человек — это определенный образ. Французы так и говорят: если мужчина или женщина идет по улице, то обязательно несет в себе индивидуальный образ. У нас, к сожалению, все одеты одинаково — в одинаковой коже, в одинаковых слаксах.

Мне как раз очень хотелось играть роли, которые бы мне соответствовали, а приходится все время себя преодолевать: не мое дело делать своим. Но, с другой стороны, получаю удовольствие от сопротивления самого материала и вживания в новый образ. В этом помогают, конечно, режиссеры. С ними мне везло! Я снимался у замечательных мастеров — Балаяна, Криштофовича, Сергея Соловьева, Кончаловского, Астрахана...

— С сопротивлением материала вы справляетесь, не случайно после фильма «Одинокая женщина желает познакомиться», где вы сыграли опустившегося пьяницу, злые языки стали болтать, что вы сыграли самого себя...

— Я вообще не пью. Совсем. Мне повезло, что в юные годы у меня была жизнь вольноарбатского мальчишки. В некоторых семьях мамы даже говорили своим детям: «Смотри, с этим мальчиком не дружи». В этом возрасте я один раз напился. Мне было так плохо, казалось, что я умираю. Возможно, это меня впоследствии и спасло.

— Ваш друг Олег Янковский очень тепло о вас отзывался. А вообще о вас говорят, что вы никогда не болели звездной болезнью...

— В нашей стране нет такого понятия — звезда. И я не понимаю этого слова «звезда», идет ли речь обо мне или о моих коллегах, и потому не хотел бы говорить об этом. Все отношения с людьми у меня складываются естественно, как бы сами собой. Естественна встреча с женщиной, естествен разлад и разрыв. Мои друзья — Леонов, Янковский,

Гость «ВК»

Абдулов; есть и молодые, но это не друзья, а товарищи — Дима Певцов, Саша Лазарев, Андрей Соколов, всех не перечислить.

— Вы можете сказать о себе, что вы — сын своего времени и ошибались вместе со всеми? Вам не жаль прошлых идеалов?

— Какие, к черту, идеалы?! Нам всю жизнь врили. Я никогда не был комсомольцем. Я не знаю, что такое комсомольское собрание. Самое большое удовольствие было выйти демонстративно из класса под завистливые взгляды товарищей, оставшихся на комсомольское собрание, а я шел играть в футбол и гонять голубей. Из пионеров меня выгнали. На торжественной линейке при всех сняли галстук. Исключили за то, что отец мой был расстрелян, а мать сослана. Она была беременна мной, когда отца взяли. Ей дали родить, а потом сослали...

Я никогда не был членом партии, хотя и предлагали. Сейчас многие отрекаются от комсомола и партии, а ведь состояли в них и, что могли, от этого имели. Пользовались бы до сих пор, если бы все не изменилось. Теперь жалуются, что их обманывали, что у них глаза открылись и так далее. Я же вправду, понимаете, вправе говорить то, что говорю, потому что никогда — принципиально никогда — не вступал в партию.

— Сейчас такое время, когда многие актеры круто меняют свою жизнь...

— Как именно? Уезжают, что ли? Вы знаете кого-нибудь, кто уехал и стал там удачливым? Я — нет. Крамаров? Здесь он снимался во сто крат больше, здесь за ним ходили толпами, а в Америке его никто не знает. Миша Козаков делал прекрасные поэтические работы на телевидении, он играл и снимал, что хотел. Он имел все. Я знаю, что его отъезд связан с совсем иными причинами. Хотелось бы, чтобы он у нас снял еще не один фильм.

— Мне кажется, что вы из тех людей, кого тяготит одиночество, тишина...

— Обманчивое впечатление: я люблю быть один. Я могу быть очень долго один.

— Женщины сейчас очень изменились. Мо- да, и стиль, и поведение — все раскованно. Вам нравится такая «перестройка»?

— Может быть, годы берут свое. Мне кажется, женщина сегодня намного интереснее, чем раньше. А если она еще и умна, и талантлива, то это замечательно. Я не ханжа и не осуждаю даже самую древнюю профессию. В иных странах, например, женщины устраивали демонстрации против решения правительства о закрытии публичных домов, потому что публичные дома в определенной степени стабилизируют семью. От любовницы муж может не вернуться к жене, а из публичного дома он обязательно придет домой. Другое дело, когда это происходит в подъезде.

— Вы тяжело переживаете творческие про- стои, когда нет ролей?

— ...или когда приходится отказываться от съемок? Нет, я не переживаю. Ну не снимаюсь... Хотя хотелось бы: деньги — это свобода, это право выбора.

— Когда прошел слух, что Константину Паустовскому могут дать Нобелевскую премию, его жена обрадованно воскликнула: «На- конец-то я накоплю капроновых чулок!». Комично, но уровень благосостояния у нас до сих пор определяется количеством колготок у женщин. У вашей жены Людмилы Савельевой достаточно колготок?

— Чтобы в нашей стране решить проблему колготок, надо быть не актером. Творчество оплачивается хорошо только в богатых странах. В нашей стране творчество не оплачивается, может быть, ценится — и только.

— Недавно вы сыграли неожиданную для вас, да и для всех нас, роль Сталина в фильме «Ближний круг»...

— Да, раздался звонок от Кончаловского с предложением попробовать на роль Сталина в картине, которую он снимал на американской студии. Фильм снят в основном здесь. Центральные роли играют американские актеры, но Кончаловский настоял, чтобы роль Сталина исполнил наш актер.

Работают американцы, конечно, очень профессионально, на высочайшем техническом уровне. Отношение к актерам великолепное — ко всем, вплоть до массовки. Но и требования высокие. Кончаловский — блестящий режиссер. Мне повезло, я уже второй раз встречаюсь с ним. Ну а говорить о том, что значит для меня эта роль, думаю, и не нужно. Ясно и так, если мое детство началось с лагерного поселения...

Беседовала
Наталья ДВОЙНИШНИКОВА.
Фото Виктора ЛАРИНА.